

Таллин в начале 50-х гг.. Фотография И. В. Гирса

В Таллине начала XX века

(отрывок из статьи «Воспоминания из моей жизни»)

Игорь Гирс

Игорь Владимирович Гирс

Автор публикуемых мемуаров, написанных в Ленинграде в 1976 г., принадлежит к шведской фамилии Гирс. В России она появилась в 1750 г., когда шведский коммерсант Лаврентий (Лоренц-Фердинанд) Гирс приехал из Дании в Санкт-Петербург. Он был женат на Анне-Марии фон Гофберг и имел шестерых детей. Один из сыновей, Карл-Корнелиус Гирс, стал родоначальником всех Гирсов, живших и живущих ныне в России. Три его сына: Карл-Фердинанд, Константин и Александр — образовали три параллельные ветви, две из которых сыграли заметную роль в истории страны.

Самый младший сын Карла-Корнелиуса Гирса, Александр Карлович Гирс (1785–1859), стал основателем морской династии Гирсов. Он служил в лейб-драгунах и имел богатую военную биографию, полную боевых подвигов в войне с Наполеоном, был награжден орденом Георгия IV степени, Георгиевским оружием и орденом Анны II степени, дослужился до чина генерал-майора. Был женат на Елизавете фон Тифенбах. Он и его жена похоронены в Санкт-Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище, причем до нашего времени чудом сохранились памятники на их могилах.

Владимир Константинович Гирс

Старший сын Александра Карловича Гирса, Константин Александрович (1829–1888), был адмиралом, служил на Балтийском и Черном морях. Он участвовал в обороне Малахова кургана при осаде Севастополя. В 1885 г. его назначили командиром Свеаборгской крепости. Умер Константин Александрович в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Его сын, Александр (1859–1917), дослужился до генерал-майора флота, командовал крейсером «Олег» и 2-м Балтийским флотским экипажем; убит матросами во время Февральской революции.

Другой сын Константина Александровича, Владимир Константинович Гирс (1861–1918), окончив в 1880 г. Морской корпус, занимал офицерские должности на императорских яхтах «Марево» и «Штандарт». В 1906–1908 гг. — командир крейсера «Богатырь», в 1909–1913 гг. — Ревельского порта, в 1913 г. — нового порта Императора Петра Великого в Ревеле. Вице-адмирал и начальник Главного управления кораблестроения. В августе 1918 г. во время красного террора был арестован и утоплен на барже в Финском заливе вместе с другими заложниками.

Его младший сын Игорь Владимирович Гирс (1902–1976) — автор воспоминаний, отрывок из которых мы публикуем.

В 1909 г. отец получил назначение на должность командира Ревельского военного порта с одновременным исполнением обязанностей директора маяков и лоций Балтийского моря. Наша семья переехала в Ревель, город Эстляндской губернии. Переезд происходил с помощью артели Харламова, которая взяла на себя все хлопоты по упаковке нашего имущества, доставке его в Ревель и распаковке на месте. В один прекрасный день к нам на квартиру явились артельщики, человек десять–двенадцать бородачей, с синими передниками, во главе с мастером. Они привезли доски, гвозди, стружку и другие упаковочные материалы. В квартире начался хаос, длившийся четыре или пять дней. Из буфетов вынималась посуда, из гостиной и других комнат — предметы, которые украшали наш быт и обеспечивали удобства жизни, из жилых комнат — носильные вещи и прочее, из кухни — утварь и т. д. Всё тщательно запаковывалось и закладывалось в сундуки и ящики. Мебель, включая пианино, обеденный стол, письменные столы, диваны, кресла, стулья и кровати, запаковывалась в специально сколоченные для этого случая ящики. В конце концов всё уместилось на двадцати с лишним подводах, запряженных дюжими битюгами, и составилась обоз, пошедший гужом в Ревель во главе с нашим лакеем Лукой Чередниченко, очень гордым от оказанного ему доверия.

Обоз шел около 8–10 дней, с ночевками в пути в трактирах, и наконец прибыл в Ревель. Когда распаковали ящики и все поставили на места в отведенном казенном доме, специально предназначенном для командира порта, оказалось, что всё доставили в целостности и сохранности, ни одна вещь, как бы она ни была мала или ценна, не пропала.

В просторном деревянном доме было около 18 комнат, из которых пять находились наверху, в мезонине. Эти комнаты сообщались с первым этажом двумя внутренними лестницами, одна из которых была чугунная винтовая. Мы, мальчики, то есть брат и я, жили в одной из комнат наверху. Рядом с нами в отдельной комнате жила гувернантка, молодая прибалтийская немка. Родители жили внизу, рядом с их спальней были комната сестры. С другой стороны от родителей была гостиная и танцевальная зала с белым роялем и теплая передняя.

Комнаты для приезжающих, которые останавливались у нас часто погостить, располагались внизу и наверху. Большой кабинет отца с камином был обращен окнами в сад. Он сообщался через проходной малый кабинет со столовой, откуда одна дверь вела в буфетную и далее через коридор — на кухню и в две так называемые людские комнаты: одну для мужской прислуги и вторую — для женской. Со стороны сада была из столовой дверь на большую застекленную веранду. Веранда вела в сад

площадью около одной десятины, с оранжереей и огородом с парником, где среди обычной зелени росли спаржа, артишоки и брюссельская капуста. В саду росли каштаны, клены и другие деревья, в том числе яблони и груши.

Перед фасадом дома был круглый палисадник, и дом, таким образом, стоял особняком. Палисадник имел чугунную ограду и двое чугунных ворот для въезда и выезда. В палисаднике росло много цветов и деревьев. Особенно мне запомнилась колоссальная ива из трех сросшихся внизу стволов.

Будучи в Таллине после последней войны, я обнаружил эту иву в целостности, в то время как и описываемый дом, и сад были уничтожены. Местность трудно было узнать: на месте дома было построено трехэтажное здание какого-то Дома культуры, и только эти три ствола ивы помогли мне точно определить, где когда-то протекали годы моего счастливого детства и отрочества. В глубине сада был курятник, которым стал заведовать вышеупомянутый Чередниченко. Когда наступал момент резать кур для нашего обеда, Чередниченко надевал пестрый халат и турецкую феску с кисточкой и, вооружившись топором, отправлялся в курятник. Он считал, что куры его не узнают в таком маскарадном наряде, и он сможет продолжать за ними ухаживать, а они не будут в нем видеть злодея, систематически уничтожающего их племя.

В завершение описания нашего дома в Ревеле следует упомянуть, что в нем было три открытых балкона, из которых два наверху, две ванные комнаты и четыре уборные, одна из них т. н. «людская». В глубине сада стояли конюшня и дом для садовника Германа, игравшего по вечерам на мелодичной цитре, и дворника со звучной фамилией Парапуйка. Оба были эстонцы. В обязанности садовника входила забота о саде, поддержка в нем порядка и смена цветов в комнатах, а дворника — помимо обычных дворничьих обязанностей, подъем ежедневно в восемь часов утра и спуск с заходом солнца адмиральского флага командира военного порта на флагштоке, установленном на крыше мезонина. Этот флаг был предметом зависти моих товарищей по Александровской гимназии, в 1-й класс которой я поступил в 1909 г. В конюшне не было лошадей. Почему-то отец их не держал и обычно ходил пешком или пользовался услугами извозчиков, стоявших на ближайшем углу в ожидании седоков.

Переехав в Ревель, мы начали знакомство с достопримечательностями этого изумительно интересного города. Мама брала своим спутником обычно меня, и мы вместе восхищались и поражались его старинной архитектуре, средневековым башням и узким улицам Вышгорода и центральной части города. Особенно нас привлекала панорама средневекового города, открывающаяся со смотровых площадок Вышгорода. Высокие остроконечные красные черепичные крыши домов

Александровская гимназия в начале XX в.

создавали незабываемое впечатление, которое до сих пор не изгладилось из моей памяти.

Неоднократно гуляя по Ревелю, каждый раз мы находили все новые и новые уголки, придававшие неповторимый колорит и очарование этому городу, одновременно немецкому, эстонскому и русскому. На углах улиц были установлены таблички с названиями улиц на трех языках: повыше по-русски, затем по-немецки и, наконец, по-эстонски. Извозчики назывались по-немецки фурманами.

Вообще в то время хозяевами Ревеля, несмотря на русскую администрацию и эстонское население, чувствовали себя немцы, образовавшие свой довольно замкнутый слой общества. Они отдавали своих детей в немецкие средние учебные заведения при лютеранских соборах, в частности, наибольшее значение имел т. н. «Домшуле» — среднее учебное заведение при Домском лютеранском соборе, где обучение шло на немецком языке. В этом учебном заведении обучались дети немецкого происхождения, в том числе отпрыски дворянских и баронских фамилий, поселившихся в Вышгороде или поблизости от него. В Ревеле были две правительственные русские гимназии: Александровская и Николаевская — и одно русское реальное училище. Нас с братом отдали в Александровскую гимназию, где обучались эстонцы и русские. Немцев, насколько я помню, там совсем не было. Сестра поступила в единоверческую русскую женскую гимназию.

В магазинах приказчики обращались с вопросами к покупателям на немецком языке, и когда им отвечали по-русски, переходили на русскую речь и делались менее

любезными. Вообще сильно чувствовалось немецкое влияние во всем. Знаменитая ревельская кондитерская Штуде, изготавливавшая вкусные марципановые кондитерские изделия в виде совсем как настоящих грибов, фруктов, земляники, моркови, клубней картофеля, огурцов и т. п., была тоже немецкой. Мы часто заходили туда, и там, в кондитерской, слышалась только немецкая речь. Эта кондитерская описана в известном романе Л. Соболева «Капитальный ремонт» как место встречи немецких шпионов.

Как-то мы с мамой обратили внимание на интересное здание, как мы впоследствии узнали, — здание Братства черноголовых. Оно было построено в стиле Ренессанса в XV в. Ревельское Братство черноголовых образовалось в 1399 г. и состояло из купеческих сыновей и неженатых купцов. Они входили в Ганзейский союз, и, поскольку члены Братства вели торговлю со странами Африки, патроном общества был Св. Маврикий, единственный святой — негр, фигура которого стояла при входе наравне с изображением гербов городов, входивших в Ганзейский союз. Женившись, купец терял право быть членом Братства. В Домском соборе членам Братства отводились специальные места с низкой перегородкой. В 1940 г. после присоединения Эстонии к СССР эту организацию ликвидировали.

Рассказывают как анекдот любопытную историю о традициях Братства. Если член Братства перепьет и, будучи пьяным, нарушит порядок, его изгоняли из клуба, причем дежурный член клуба или один из его старост символически заметал за провинившимся следы, чтобы

Здание кондитерской Штуде в начале XX в. Современный вид здания, в котором находится музей марципана

он больше сюда не возвращался. С таким позорным церемониалом был изгнан молодой русский морской офицер И.Н. Григорович. Каково же было положение правления клуба, когда через 20 или 30 лет Григоровича избрали почетным гражданином города Ревеля и в его честь устроили прием в клубе черноголовых!

По должности командира порта отец был старшим морским начальником в Ревеле. В связи с этим командиры и старшие офицеры, а также представители кают-компаний всех военных кораблей, приходивших в Ревель, наносили отцу визиты по установившемуся обычаю. Для этого у нас были назначены два приемных дня: воскресенье и среда, — когда с часа или двух часов дня могли заходить с визитом все желающие офицеры, а также представители русской администрации со взрослыми членами семей. Для приема гостей накрывался длинный стол на веранде или в столовой и сервировался чай с кондитерскими пирогами, различными ватрушками, пирожными от Штуде, конфетами и другими вкусными вещами. Обращаю внимание, что слово «торт» появилось в разговорном русском языке только после революции. До этого разнообразные вкусные сладкие изделия назывались «кондитерские пироги».

В погожие дни стол сервировался в саду. Отец там устроил теннисный корт. Так как обычные корты устраивались на глиняном основании и на них можно было играть только в специальных теннисных туфлях без каблучков, которых у гостей не могло быть с собой, то корт был сделан бетонным. Это позволило использовать его не только для тенниса, но и как площадку для катания на роликовых коньках, которых у нас имелось несколько комплектов разных размеров. В результате у нас собиралось еженедельно многочисленное разнообразное общество, весело проводившее время. Сестра же,

Здание Братства черноголовых

достигшая пятнадцати лет, была неперенным и непринужденным участником этих развлечений, собирала вокруг себя молодежь и пользовалась неизменным успехом у посещавших приемные дни молодых офицеров. Я уже заметил, что у нас была гувернантка. Мы разговаривали с ней по-немецки. У нее было свойственное прибалтийским немцам произношение, несколько отличавшееся от берлинского выговора, который преподавался в советское время. Например, она говорила, и мы вслед за ней научились говорить: «цвей» и «дрей» или «полицей», а по-берлински надо было говорить «цвай», «драй» и «полицай». Когда я уже в советское время изучал языки, мне приходилось переучиваться. Вообще же у нас за столом царил французский язык. Мама, знавшая французский

в совершенстве, свободно на нем разговаривала с «мальчиками» и особенно с сестрой, которая тоже научилась бегло разговаривать на этом языке.

В нашей семье регулярно в течение трех лет пребывания в Ревеле проводились детские уроки бальных танцев. Через неделю, по воскресеньям, в 12 часов дня, собиралось человек 20–25 детей в возрасте от 8 до 15 лет, наших знакомых, и под звуки рояля в белом зале мы брали уроки под руководством бывшей отставной балерины. Мы довольно быстро разучили вальс, падепатинер, краковяк, падеспань, хиавату и другие т. н. салонные танцы. Венцом обучения была мазурка, которую мы лихо отплясывали. После уроков танцев, которые продолжались полтора-два часа, пили в столовой шоколад с печеньем и пирожными

В помещении кондитерской Штуде в начале XX в.

от Штуде. У меня сохранилось самое приятное воспоминание об этих уроках. Мы перезнакомились друг с другом, подружались, и между мальчиками и девочками нередко возникало нежное чувство симпатии, которую нельзя было назвать любовью, но было, несомненно, что-то вроде нее, во всяком случае, чувство взаимной дружбы.

У меня была постоянная партнерша, с которой я обычно танцевал, Мура Евреинова, но наша преподавательница требовала, чтобы мы меняли своих партнерш и привыкали танцевать с разными дамами. Тем не менее, когда можно было, я старался улизнуть от навязанной мне дамы и вернуться к постоянной партнерше, с которой мне было легко и удобно танцевать. Помню, накануне нашего отъезда из Ревеля в связи с назначением отца в Петербург была устроена прощальная поездка в Екатериненталь (так назывался тогда загородный парк, по-эстонски — Кадриорг). Мы с Мурой ходили по парку вдвоем, взявшись за руки, печальные, переживая скорую разлуку, а за нами следом шли две наши гувернантки, о чем-то между собою толкуя.

В парке Екатериненталь в конце XIX столетия был сооружен весьма популярный памятник броненосной канонерской лодке «Русалка», затонувшей при переходе из Ревеля в Гельсингфорс в бурную погоду, причем никто из моряков не спасся. Этот памятник изображал ангела, лицом обращенного к морю, на высоком пьедестале, благословляющего крестом море и погибших моряков. Все фамилии были перечислены на окружающих памятник тумбах с цепями. Это было любимое место для прогулок ревельцев, откуда хорошо виднелся силуэт города на той стороне бухты, с приметным шпилем собора Олевисте и башнями.

Большим событием в Ревеле были торжества по случаю закладки военного порта Императора Петра Великого. По утвержденной Государственной думой в 1912 г. кораблестроительной программе, включающей постройку на судостроительных заводах восьми линейных дредноутов, четырех линейных крейсеров, двенадцати легких крейсеров, 42 эскадренных миноносцев, подводных лодок, было запланировано сооружение в Ревеле доков, пирсов, складов на территории старого военного порта, а также колоссального длинного волнолома, охватывающего всю Ревельскую бухту, включая острова Нарген и Вульф (сейчас Найссаар и Аэгна. — Прим. ред.).

На эти торжества прибыли на большой императорской яхте «Штандарт» Николай II, Александра Феодоровна с наследником и всеми четырьмя великими князьями. У острова Нарген расположились корабли Балтийского флота, стоявшие на рейде полукругом. На острове был сооружен специальный павильон, убранный коврами и дорожками, аналой для торжественного богослужения. В порту приглашенных на торжества ждали катера,

которые доставляли их к месту действия. Некоторые катера обслуживались гардемаринами Морского корпуса.

На катере, которым мы воспользовались, стоял кормовым крючковым какой-то чистенький гардемарин, привлечший внимание сестры своей наружностью. Сестра, не подумав и не зная, что это стоит гардемарин, а не матрос, обратила внимание матери вслух по-французски, выражая свое восхищение его внешностью и выправкой. Тогда этот гардемарин на чистейшем французском поблагодарил сестру за ее отзыв, чем вогнал ее в краску. После этого случая она стала осторожней. Вообще русские, привыкшие говорить между собой по-французски, часто попадали впросак, забывая, что их могут понять окружающие.

На острове Нарген у царского павильона все стали по чинам, дамы в ряд, отдельно, дети тоже. Николай II обходил присутствующих, в частности дам, которые неловко низко приседали, делая придворный реверанс. Некоторым он задавал вопросы, не требовавшие большого напряжения ума, например: «Не правда ли, сегодня хорошая погода?» или «Как поживают ваши детки?», или «Как вам нравится церемония?» Дамы краснели и отвечали невпопад.

Затем состоялось богослужение, которое провел митрополит Петербургский и Гдовский в сопровождении сонма духовенства. Николай II и наиболее почетные гости приступили к закладке. Строительные рабочие, в белых передниках и празднично одетые, на подносе держали серебряный мастерок, и царь, а за ним все остальные именитые гости, укладывали в заранее приготовленные места камни и замазывали их раствором цемента. В это мгновение раздался салют в 101 выстрел со всех кораблей, стоявших на якоре в бухте, и торжественно прозвучал государственный гимн. Это было незабываемое зрелище, так как присутствующим удалось увидеть и услышать салют с тридцати кораблей, овеванных дымками пороховых взрывов.

Другим торжеством было приуроченное к празднованию 300-летия дома Романовых открытие памятника Петру I на центральной площади Ревеля, у подножья Вышгорода. Эта площадь называется теперь площадью Победы (во времена СССР, сейчас — площадь Свободы. — Прим. ред.).

Памятник был отлит из бронзы. Петр в больших ботфортах, опершись на эфес шпаги, стоял и смотрел на Вышгород. На открытие памятника приехал великий князь Константин Константинович, и его пребывание сопровождалось рядом празднеств. Нас, гимназистов, построили на улице вдоль маршрута его проезда и заставили кричать «ура» и кидать вверх фуражки. Рекомендовалось стать на колени, но никто, насколько я помню, не воспользовался этой рекомендацией. В годы независимости

Открытие памятника Петру Великому в Ревеле. 1910 г.

Эстонии памятник убрали. Место, где он стоял, сровняли с землей, а часть памятника, бюст, установили за домиком Петра в Кадриорге (он пропал во время немецкой оккупации. — Прим. ред.).

Вокруг Ревеля было несколько мест для интересных экскурсий. Обычно родители нанимали ландо, и мы отправлялись на целый день с самоваром, бутербродами и холодными котлетами, которые везла наша горничная, сидевшая на облучке рядом с кучером.

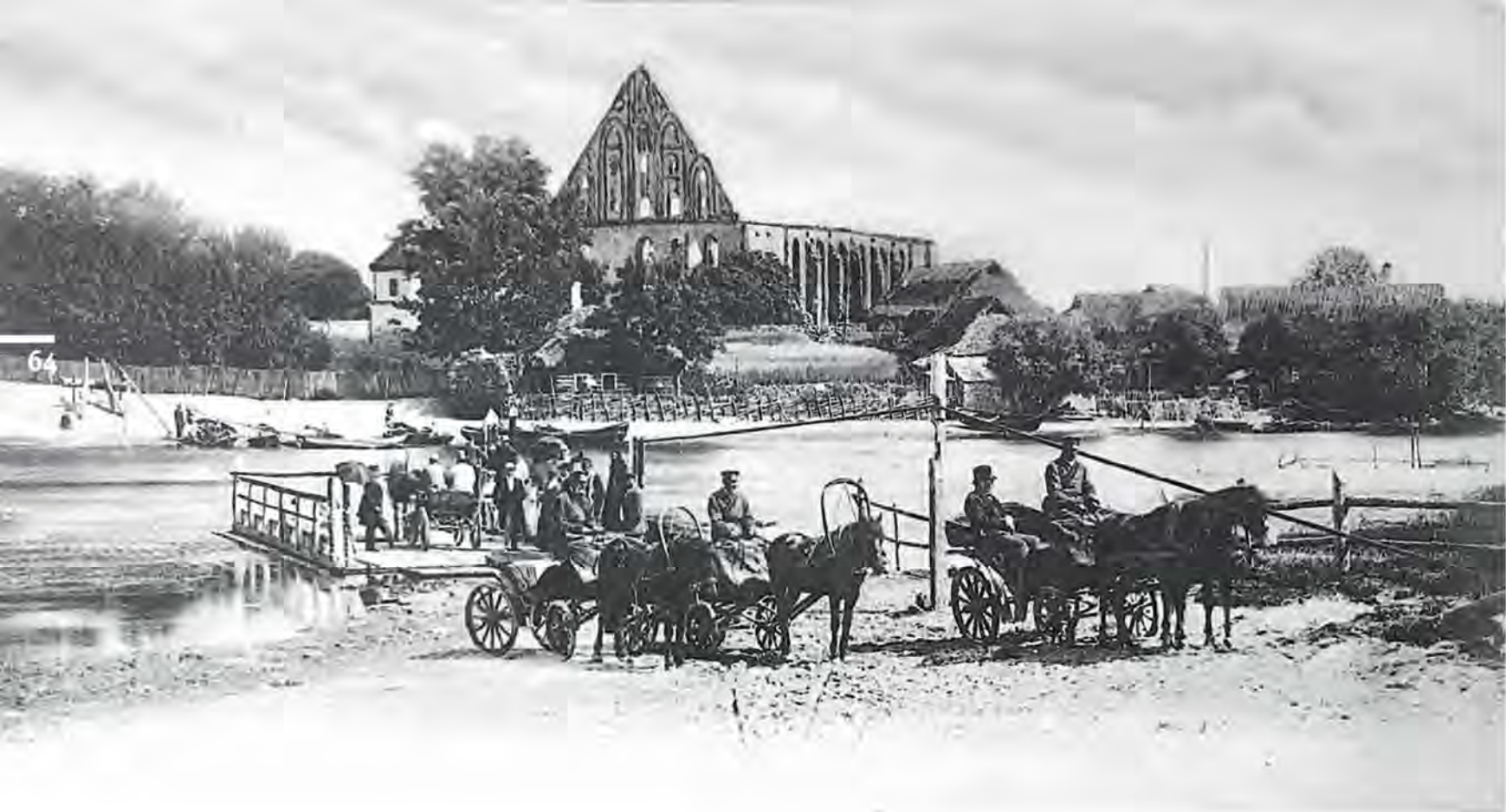
Самым популярным местом для таких прогулок были величественные развалины монастыря Св. Бригитты, расположенные за Екатериненталем, на берегу речки Пириты, недалеко от ее устья при впадении в Ревельскую бухту.

Монастырь, построенный в XV в., наполовину женский, наполовину мужской, был разрушен в Ливонскую войну. Монументальные стены, и в особенности высокий западный треугольный фронтон со ступенчатыми нишами, высеченный из плитняка каменный портал, сохранившиеся части каменных переплетов создавали

неизгладимое впечатление. Мы бродили по развалинам и поднимались по внутренней лестнице, устроенной в толстой каменной стене, на смотровую площадку, откуда далеко были видны окрестности и Ревель.

Мы ездили также в местечко Немие (Нымме), расположенное к западу от города. Там какой-то богатый чудаки (Николай фон Глен. — Прим. ред.), увлеченный Средневековьем, соорудил в конце XIX в. замок и смотровую башню, на которую можно было подняться только по наружной лестнице. На вершине башни разводили сигнальный костер. Оттуда хорошо просматривалась окружающая местность, и в неожиданном ракурсе был виден характерный силуэт Ревеля. Кроме того, этот чудаки понаделал из камня несколько больших фигур, изображавших мифических зверей и героев из эстонского эпоса, в частности черта с рогами. Дети лазали по этим чудовищам и воображали себя героями эстонских сказок.

Будучи позднее в Ревеле, я навестил Немие. Псевдосредневековый замок разрушился, мифические фигуры развалились, осталась только одна башня, и то она была

Вид на развалины монастыря Св. Бригитты в начале XX в.

не в порядке (замок Глена был восстановлен в 60–70-е гг. XX в. Сейчас принадлежит Таллинскому политехническому институту. — Прим. ред.).

Вернусь к своим детским воспоминаниям. Готовила нам кухарка Августа, финка по происхождению, служившая еще у моего деда, когда он был командиром Свеаборгского порта в Гельсингфорсе. Как ее раздобыл мой отец, я не знаю, но готовила она прекрасно, французскую кухню знала отлично, и я как сейчас помню приготовленные ею блюда, отличавшиеся отменным тонким вкусом, так же, как разнообразные соусы к ним. Отец любил вкусно поесть, понимал толк, и по вечерам, когда семья кончала пить вечерний чай, он призывал Августу в столовую и долго с нею обсуждал меню на завтра. Надо сказать, что, часто присутствуя при таких обсуждениях и привыкнув к высококачественному приготовлению пищи, которое у нас было, я сам прекрасно разбирался в тонкостях кухни и приготовления ряда блюд, что мне в жизни очень пригодилось.

Особенно долгие такого рода совещания происходили накануне званых обедов, когда отец хотел блеснуть перед гостями столом, тщательностью приготовления пищи и способностями Августы.

Званые обеды у нас бывали довольно часто, поскольку отцу приходилось давать по своей должности официальные обеды и просто так созывать или принимать

знакомых. Званые, да, пожалуй, и просто обеды, когда к столу приглашались двое или трое морских офицеров, прибывших в Ревель на своих кораблях, проходили весьма церемонно, подчиняясь правилам этикета, из которых большинство сейчас забыто.

К обеду нельзя было опаздывать. Самое большее опоздание в 3–5 минут допускалось как исключение, и прибывать на обед задолго до назначенного времени тоже считалось неприличным. Таким образом, все приглашенные собирались за 10–15 минут до назначенного времени. Мы, дети, на официальных обедах не присутствовали, и нам с гувернантками накрывался обеденный стол в детской. На простых обедах или, как тогда говорили, на обедах «запросто», мы, конечно, присутствовали, так же, как гувернантки, которые разговаривали с присутствующими на своем родном языке.

В начале обеда все закусывали *a la fourchette*, т. е. накрывался в стороне отдельный небольшой стол с закусками и водкой. Тарелочки ставились стопками с красиво разложенными закусочными вилками и ножами. Каждый подходил к закусочному столу, брал тарелочку и накладывал себе что хотел, а в стопки или чарки наливал водку. Закуски бывали горячие и холодные, всего 10–15 наименований. Эта процедура длилась около 15 минут. На обедах «запросто» закусочный стол не накрывался, и закуски трех-четырех видов ставились на обеденный

стол. В этом случае закусочные тарелочки находились поверх мелких тарелок за каждым прибором.

Когда на званых обедах кончалась закуска, все рассаживались согласно карточкам, на которых писалось имя, отчество и фамилия каждого присутствующего на обеде лица. Карточки украшали виньетками или рисунком и клали у каждого прибора на салфетку или на тарелку перед салфеткой. Жен и мужей сажали отдельно, рядом им сидеть не полагалось. Об этом должны были подумать хозяева, составляя каждый раз план рассаживания гостей за обеденным столом. Хозяйка и хозяин сидели друг против друга, посередине стола или по сторонам на противоположных концах. По правую руку хозяйки сидел наиболее уважаемый или почетный гость, а по правую руку хозяина — его жена или другая почтенная дама. Соответственно, по левую руку хозяйки и хозяина сажали гостя или гостью, занимающих второе по значению или положению место в обществе. Остальные гости рассаживались по сторонам хозяев, но так, чтобы мужчины и дамы чередовались друг с другом. На концах стола сидела молодежь. Считалось, что женщина, сидящая за столом с правой стороны мужчины, является его дамой, и он должен проявлять внимание и заботу и, чтобы ей не было скучно, занимать ее разговором.

Обед включал обычно четыре или пять блюд, а именно: суп, рыбное блюдо, жаркое из какого-либо мяса, овощное блюдо и сладкое, наконец, десерт и кофе. Водка на стол не подавалась, к рыбе разливали белое сухое вино в цветные, обычно зеленые рюмки, к жаркому пили красное, которое наливали в прозрачные рюмки, к десерту — коньяки и ликеры в маленьких рюмках. В большие рюмки наливались хлебные кислые квасы. Минеральную воду к столу тогда не подавали. Шампанское пили только во время или после десерта, и тогда произносили тосты и говорили речи. Курить разрешалось только после жаркого, и то с позволения хозяйки дома.

Миска с супом стояла на маленьком служебном столике. Суп разливался лакеем и подавался каждому сидящему за столом по старшинству. Хозяйке и хозяину суп, как и все другие блюда, подавали последним. Блюда с рыбой и жарким, так же, как и овощные блюда и сладкие, обносились лакеем в том же порядке, что и суп, слева от сидящих за столом, которые накладывали сами себе на тарелку что им нравилось. Вина ставили на стол только в графинах, бутылки на стол не ставились, разве что коллекционные. Грязная посуда на столе ни в коем случае не накапливалась. Ее убирала лакей и его помощница по мере того как сидящие за столом заканчивали есть очередное блюдо, в следующем порядке: убирающий становился за спиной обедающего, левой рукой брал грязную тарелку, после чего правой на освободившееся место ставил чистую. Использованные вилка и нож

должны были быть положены обедающим на грязную тарелку и убираться прислужгой одновременно с тарелками. Лакей и помогающая ему горничная обязаны были надевать белые нитяные перчатки.

Салфетки разворачивались, когда гости садились за стол, и укладывались на колени; после обеда их в смятом виде откладывали на освободившийся стул и ни в коем случае не на обеденный стол. В случае обедов «запросто» каждый член семьи имел свою салфетку, которая укладывалась в специальные серебряные или костяные кольца, поставленные на обеденный стол одновременно с прибором.

После обеда гости благодарили хозяйку — дамы кивком головы, мужчины поочередно целовали ей руку, потом все переходили в гостиную, а мужчины — в кабинет. Через полчаса после обеда разъезжались. Вообще такой официальный обед продолжался полтора-два часа.

Посещая корабли, стоящие на рейде, отец часто брал с собой меня и брата. Когда катер подходил к правому борту стоящего на рейде корабля, на палубе для встречи отца выстраивался караул, играл оркестр и производили салют. Отец поднимался по трапу наверх, там его встречали командир корабля и дежурная служба, отдавали рапорт, а катер со мной или с братом «сдавали на бакштове» и ставили за кормой корабля или «под выстрел», пока не раздавалась дудка боцмана и команда подать катер к трапу правого борта. Мы тем временем прятались в каюте и выползали наверх, когда катер достаточно далеко отходил от корабля. Я нарочно поставил знак ударения в слове «рапорт» на последнем слоге, потому что во флоте не было принято говорить «рапорт», как это практиковалось в армии. Следует заметить, что и в советском флоте и армии этот обычай сохранился: во флоте говорят «рапорт», в армии — «рапорт».

Нам с братом чрезвычайно нравились эти морские прогулки. На рейде бывала порядочная волна, и катер, переделанный из старого миноносца, лихо качался, отбрасывая волну и образуя брызги, на которых в солнечный день рождалась сопровождавшая нас радуга. Было свежо и прекрасно. Раз на рейде развело особенно большую волну, меня укачало, когда катер отстаивался на бакштове, но это не помешало нам в следующий раз, как только отец предложил нам такую морскую прогулку, с восторгом на нее согласиться.

Ежегодно летом отец совершал многодневную инспекционную поездку по маякам Финского залива и Балтийского моря. Для этой цели использовался морской буксир «Могучий», который мог входить в мелкие бухточки. Мы несколько раз просили взять нас с собой, но неизменно получали отказ. Видимо, отец считал неудобным катать своих сыновей.

